

**К ТЕКСТОЛОГИИ «ПОВЕСТИ ОБ УБИЕНИИ
АНДРЕЯ БОГОЛЮБСКОГО»: ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ
ДВУХ РЕДАКЦИЙ ПОВЕСТИ И ОЦЕНКА ВКЛАДА АВТОРА –
ЗОДЧЕГО КУЗЬМИЩА КИЯНИНА В ВАРИАНТЫ ТЕКСТА ПОВЕСТИ**

© **Алексей Алексеевич БУРЫКИН**

доктор филологических наук, доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник словарного отдела
Институт лингвистических исследований РАН
199053, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Тучков пер., 9
E-mail: albury@rambler.ru

Рассмотрен авторский стиль киевского архитектора, зодчего и золотых дел мастера Кузьмища Киянина, который считается автором «Повести об убиении Андрея Боголюбского». Определены компоненты стиля Кузьмища Киянина в разных редакциях повести и выдвинута гипотеза о том, что автор «Повести» Кузьмище Киянин является также переводчиком трех повестей Мусин-Пушкинской тетради, автором «Слова о полку Игореве» и автором миниатюр Радзивилловской летописи. Доказано, что в текстологии «Повести об убиении Андрея Боголюбского» выделяются четыре предмета: по Лаврентьевской летописи, по Радзивилловской летописи, по Московско-Академическому списку Суздальской летописи, совпадающему с текстом Радзивилловской летописи, и по Повести по Летописцу Переяславля Суздальского. Установлено, что в проблеме текстологии «Повести», в частности, в истории ее Краткой редакции есть еще материалы, не привлекавшие к себе внимания ученых. Это известия об убийстве Андрея Боголюбского. Высказано суждение, что Краткая «Лаврентьевская» редакция Повести принадлежит самому Кузьмищу Киянину. Добавления Пространной «Ипатьевской» редакции Повести по Ипатьевской летописи, вероятно, были сделаны позднее, возможно, подмастерьем Кузьмища и непосредственно со слов Кузьмища Киянина как очевидца и участника событий конца мая 1174 г. во Владимире и в Боголюбове, или же внесены самим Кузьмищем в письменный текст при помощи особых приемов (изображение самого себя в третьем лице).

Ключевые слова: текстология; хронологизация; «Повесть об убиении Андрея Боголюбского»; авторский стиль; киевский зодчий; Кузьмище Киянин

Проблемы состава текста такого произведения древнерусской литературы второй половины XII века, как «Повесть об убиении Андрея Боголюбского» сами по себе достаточно хорошо известны. Соотношение и хронология появления двух редакций Повести – краткой, наилучшим образом известной по Лаврентьевской летописи, и пространной, вошедшей в состав Ипатьевской летописи, до сих пор представляет собой нерешенную проблему, каждый из вариантов решения которой имел и имеет своих сторонников [1, с. 365-366].

Вопрос об относительной хронологии двух редакций «Повести об убиении Андрея Боголюбского» привлекает сейчас наше внимание в сложной перспективе – соотношении текста двух редакций и лексического состава обеих редакций становится актуальным в связи с возможностями и задачами выявления такого языкового материала, в первую очередь лексического материала, который можно считать наиболее значимыми особен-

ностями авторского стиля киевского зодчего и золотых дел мастера Кузьмища Киянина, который считается автором этой повести. Данная точка зрения на авторство повести имела сторонников и до 1972 г. – выхода в свет исследования Б.А. Рыбакова [2], и мы не видим оснований брать авторство Кузьмища под сомнение – более того, этому обнаруживаются дополнительные доказательства.

Б.А. Рыбаков полагает, что первичной редакцией Повести является наиболее полная так называемая Пространная редакция Ипатьевской летописи, в то время как более краткая редакция Лаврентьевской летописи представляет собой сокращение Пространной редакции, сделанное владимирским летописцем «Владимирцем». Он пишет: «Одно сопоставление объемов «Повести» в разных летописях уже говорит о том, что перед нами два разных произведения: Ипатьевский вариант относится к лаврентьевскому как 3:1. <...> Учитывая большое количество общих текстов, почти дословно совпадающих в

обоих вариантах, нам надлежит решить вопрос о характере их взаимосвязи: сокращал ли кто-то «Повесть» Кузьмища Киянина, или же, наоборот, Кузьмище расширял и дополнял чью-то краткую повесть. В нашей научной литературе существуют сторонники обоих взглядов...» [2, с. 79].

Из наблюдений Б.А. Рыбакова над синтаксисом «Повести», которые, по его мысли, должны показывать сокращение Пространной редакции при составлении Краткой редакции, многие примеры могут быть взяты под сомнение при реинтерпретации синтаксиса этих фраз.

Гораздо более важно следующее наблюдение Б.А. Рыбакова над текстом Повести по Ипатьевской летописи – «*Князь же Андрѣи бѣ городъ Володимѣрь силно устроилъ, к нему же ворота золотая доспѣ, а другая серебромъ учини, и доспѣ церковь камену сборную святая Богородица, пречюдну вели, и всеми различными виды украси ю от злата и сребра, и 5 вѣрховъ ея позолоти*» (Ипат. лет.¹) и комментарий к нему: «*первоначальный Успенский собор, построенный Андреем в 1158–1160 гг., имел только одну главу, один «верх»*». Пятиглавие появилось только после перестройки собора Всеволодом Большое Гнездо в 1189 г.: «*...брат его Андрей постави об едином верее. Всеволод же четыре верхи назда и позлати*».

Следовательно, описание Успенского собора как пятиглавого могло быть сделано не ранее 1189 г., то есть спустя 13–15 лет после написания «Повести об убиении», и его, вероятно, надо связывать с летописным сводом 1183 г. или каким-либо близким по времени сводом эпохи Всеволода» [2, с. 93; см. еще с. 98, 106]. По логике Б.А. Рыбакова, это добавление сделано в Пространную редакцию, в то время как текст Краткой редакции остался без изменений. Однако можно думать, что вся Пространная редакция «Повести» составлялась и дорабатывалась в конце 1180-х гг., и объемные добавления к ней делались тогда же.

Текстология «Повести об убиении Андрея Боголюбского» имеет четыре предмета. Во-первых, это соотношение Краткой и Пространной редакций. Во-вторых, это варианты

текста Краткой редакции, коих обычно указывается три:

- 1) по Лаврентьевской летописи²;
- 2) по Радзивилловской летописи³;
- 3) по Московско-Академическому списку Суздальской летописи, совпадающему с текстом Радзивилловской летописи⁴.

Мы добавим к этому текст краткой редакции Повести по Летописцу Переяславля Суздальского⁵.

В-третьих, это соотношение Краткой редакции «Повести» с повествованиями о гибели Андрея Боголюбского по другим летописным сводам, аналогичные тексты которых традиционно не причисляются к редакциям «Повести» и, насколько известно, вообще не рассматриваются в связи с литературной судьбой «Повести». В-четвертых, это определение авторского компонента в разных редакциях повести в связи с поддерживаемой нами гипотезой о том, что автор «Повести» Кузьмище Киянин является также переводчиком трех повестей из Мусин-Пушкинской тетради, автором «Слова о полку Игореве» и автором миниатюр Радзивилловской летописи [3, с. 121–129].

Варианты Краткой редакции Повести сами по себе различаются не слишком значительно: различия касаются наличия или отсутствия предлогов и союзов, вариантов отдельных слов или порядка слов в сегментах объемом в 4–5 слов. При этом чтения Радзивилловской летописи, Суздальской летописи и Летописца Переяславля Суздальского нередко оказываются лучше чтений Лаврентьевской летописи, что, видимо, и заставило Б.А. Рыбакова думать об испорченности Краткой редакции «Повести». Однако привлекает внимание заголовок «Повести», отмечающий ее начало внутри погодной записи, которая в целом более объемна, нежели повесть – «*О убиении Андреевѣ*», встречающийся только в Лаврентьевской летописи⁶ и

² Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей: в 43 т. Т. 1. Спб., 1856. С. 180 и сл.

³ Радзивилловская летопись // Полное собрание русских летописей: в 43 т. Т. 38. Л., 1989. С. 137–139.

⁴ Лаврентьевская летопись... Вып. 2. Стлб. 367–371.

⁵ Летописец Переяславля Суздальского // Полное собрание русских летописей: в 43 т. Т. 41. М., 1995. С. 99–101.

⁶ Лаврентьевская летопись... С. 180.

¹ Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей: в 43 т. Т. 2. Спб., 1908. Стлб. 582.

в Суздальской летописи⁷. Это заголовок сходен с построением «...о полку Игоревъ, Игоря Святъславличя», перед которым обнаруживается пропуск после слов «начяти старыми словесы трудныхъ повѣстѣи ... о полку Игоревъ...», и с заголовком одной из частей «Девгениева деяния» – «Аще думно есь слышати о свадьбе Девгееве, и о всъхъщени Стратиговне» – произведения, находившегося в Мусин-Пушкинском сборнике сразу после «Слова о полку Игореве».

Для нас это принципиально важно, поскольку мы предполагаем, что переводы всех трех повестей Мусин-Пушкинской тетради, «Слово» и «Повесть об убиении Андрея Боголюбского» принадлежат одному и тому же автору – киевскому зодчему Кузьмищу Киянину.

Главная неожиданность, позволяющая снять сразу несколько проблем в изучении текста «Повести», – в тексте Краткой «Лаврентьевской» редакции «Повести» по Лаврентьевской, Радзивилловской и Суздальской летописям (нам придется делать такую оговорку, потому что, как представляется, в Воскресенской и Никоновской летописях до нас дошел сокращенный текст «Повести» по Ипатьевской летописи, которую придется называть Краткой «Ипатьевской» редакцией), в финале читается «молися помиловати князя нашего и господина Всеволода, своего же приснаго брата», в то время как в Летописце Переяславля Суздальского – «...князя нашего и г(о)с(поди)на Ярослава, своего же приснаго и бл(а)городнаго с(ы)новца»⁸.

Судя по всему, тут речь идет о «сыновце» – двоюродном племяннике Андрея Юрьевича, князе Ярославе Изяславиче Луцком (около 1132 – после 1174, до 1180), дважды завладевавшем Киевом (см. хронологию киевских княжений [2, с. 25-26, упоминания с. 28, 32, 76-77, 256, 305, 363, 375]), но после 1174 г. исчезающем со страниц летописей. Это означает, что Краткая редакция «Повести об убиении Андрея Боголюбского» может быть датирована временем не позже конца 1174 – начала 1175 г. – иначе объяснить похвалу князю-разорителю Киева невозможно;

не могла появиться такая похвала и позднее, память об этом князе была явно недостаточной. Маловероятно и допущение А.А. Инкова о том, что здесь речь идет о переяславском князе Ярославе Всеволодовиче (1190/1191–1246), также приходившемся племянником – «сыновцем» Андрею [4, с. 129, 260, прим. с. 826]: едва ли похвала князю-заказчику летописи могла быть вписана в давнишнюю статью об основательно подзабытых событиях посредством правки нескольких слов. Скорее наоборот – из позднейших списков исчезло имя князя, не стяжавшего симпатий. Если же предполагать, что эти разночтения – результат непреднамеренной порчи текста, то скорее всего можно ожидать, что слова бл(а)городнаго с(ы)новца были заменены на более простое брата, нежели наоборот.

Б.А. Рыбаков считает, что часть князей, в том числе Ярослав Изяславич, не вели летописания, или оно не сохранилось до нас [2, с. 35] – похоже, что как раз к его своду или записям к такому своду и принадлежала Краткая редакция «Повести об убиении...».

Лексические соответствия «Слова» и такого памятника, как «Повесть об убиении Андрея Боголюбского» по Ипатьевской летописи весьма репрезентативны. Общими для этих произведений оказываются такие слова, как *въскладати, вътрило, глядати, дружина, златоверхий, мужьство, оксамить, наволока, плакаться, пригвоздити, (по)ткнути, сабля, узорочье*. Другие слова, не приводимые здесь, являются малодоказательными и могут учитываться только в совокупности со значимыми фактами.

Из этих лексем интересующая нас профессиональная терминология ремесла Кузьмища Киянина встречается в обеих редакциях «Повести» (табл. 1).

Показательно, что подавляющее большинство их присутствует в обеих редакциях «Повести» – это еще одно свидетельство того, что эти слова, так же, как и менее показательные, были в Краткой «Лаврентьевской» редакции «Повести» и из нее вошли в Пространную: обратное – то, что Пространная редакция, сокращаемая почти в четыре раза, почти ничего не потеряла из слов этой группы. Единственное слово, отсутствующее в «Лаврентьевской» редакции – это слово *цаты*, название позолоченных медных листов.

⁷ Суздальская летопись / Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей: в 43 т. Т. 1. Вып. 2. Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку. Л., 1927. Стлб. 367.

⁸ Летописец Переяславля Суздальского... С. 101.

Таблица 1

Лексическое соответствие Лаврентьевской и Ипатьевской летописей

Краткая редакция (Лаврентьевская летопись)	Пространная редакция (Ипатьевская летопись)
<p>златомъ же и каменьемъ драгымъ и женчюгомъ украси ю, иконами безцѣнными и <u>всякими узорочьями</u> удиви, въ ней же чудотворная мати божія, къ ней же вен хрестьяне съ страхомъ <u>приищюще</u> и съ вѣрою ищеленья приимають.</p> <p>Слыша бо Господа глаголюща : аще <u>створисте</u> братъ моей меншей, то мнѣ <u>створисте</u>; и пакы Давидъ глаголетъ : блаженъ <u>мужь</u> милуя и дая <u>весь</u> день, о господь ходяи не <u>поткнется</u>. <u>Мужьство</u> же и умъ въ немъ живяше, правда же и истина съ <u>нимъ</u> ходяста, и иногѣ добродѣяи много въ немъ <u>бляше</u></p>	<p>украсио иконами многоцѣнными, <u>златомъ и каменьемъ драгымъ</u>, и жемчюгомъ великымъ <u>безцѣннымъ</u>, и устрои ъ различными цятами и аспидными цатами</p> <p>слыша Господа глаголюща: «Аще <u>створисте</u> братыи меньшии моѣи, то мнѣ <u>створисте</u>», и пакы Давидъ глаголетъ: «Блаженъ мужь милуя и дая <u>весь</u> день, о Господѣ не <u>поткнется</u>». <u>Мужьство</u> и умъ в нѣмъ живяше, правда же истина с нимъ ходяста. И иногѣ добродѣяни много в нем бляше</p>

Из мелочей – в Ипатьевской летописи пропал союз между словами *правда и истина*, а аорист *створисте*, имеющийся в «Слове», в одном случае заменен на форму настоящего-будущего времени (сам сегмент с этим словом повторен дважды), исчезло в Пространной редакции и причастие *ходяи*.

Если мы принимаем тезис о первичности Краткой «Лаврентьевской» редакции «Повести» – а нам придется это сделать в связи с упоминанием Ярослава Изяславича (вместо Всеволода Юрьевича) в тексте по Летописцу Переяславля Суздальского, поскольку этот факт никак не выглядит изменением иногѣ текста, то нам придется признать, что лексика Кузьмища, а именно: и строительные термины, и терминология «мастера золотого узорочья», как выражался Б.А. Рыбаков о занятиях Кузьмища [2, с. 109, 501], и иные слова, характерные для его узуса, присутствуют в Краткой редакции и сохраняются в Пространной редакции «Повести», в то время как новые лексемы из той же группы в Пространной редакции единичны.

Интересующая нас вставка 1189 г. «*украси ю от злата и сребра, и 5 вѣрховъ ея позолоти, двѣри же церковныя троѣ златомъ устрои. Каменьемъ дорогымъ и жемчюгомъ украси ю многоцѣннымъ, и всякими узорочьи удиви ю*» не отличается от фрагментов Краткой редакции.

Показательно, что префиксальная форма *приищюще*, соотносительная с формами *рыскаше, дорискаше, рища* из «Слова», отсутствует в Пространной редакции, но встречается во всех четырех списках Краткой «Лаврентьевской» редакции. В обеих редакциях встречаются формы глагола *скачати*,

общего для «Повести» и «Слова», в обеих редакциях Успенский собор обозначен как «У Богородици Златоверхое».

Однако более детальное сравнение Краткой редакции по Лаврентьевской летописи и Пространной редакции, известной только по Ипатьевской летописи, позволяет увидеть ряд отличий, которые, похоже, не только позволяют объяснить особенности обеих редакций, но и проливают свет на историю Пространной редакции и автора текста, присутствующего только в этой редакции повести. Сравним два текста (табл. 2).

Б.А. Рыбаков обратил внимание, что в Краткой редакции Повести по Лаврентьевской летописи имеется дефект после слов *яко полату красну* [2, с. 80]. Однако в Летописце Переяславля Суздальского читаем: *Смысль бо очистивъ и умъ, и яко полату красну, ц(е)рк(о)вь създа въ Володимирѣ и въ Б(о)голюбѣмъ...*. Заметим, что в Тверской летописи, заключительная часть рассказа которой воспроизводит похвалу князю Андрею по начальной части Краткой «Лаврентьевской» редакции, читается «*и умъ, яко полату красну сию създа въ Володимерѣ и въ Боголюбѣмъ*» – данное дополнение сделано по уже дефектному, как считается, тексту Краткой «Лаврентьевской» редакции.

Странно, что этот «владимирский летописец» ни разу не обмолвился о походах Андрея Юрьевича на волжских болгар и даже не упомянул об этом народе, сократив текст, относящийся к болгарам, в своей редакции (по логике Б.А. Рыбакова) или, по нашим рассуждениям, оставив освещение этих событий киевлянину – составителю Пространной редакции.

Таблица 2

Детальное сравнение Краткой редакции по Лаврентьевской летописи
и Пространной редакции, известной только по Ипатьевской летописи

Лаврентьевская летопись	Ипатьевская летопись
<p>Се благовѣрный и христоролюбивый князь Андрѣй отъ млада версты Христа возлюбил и всепречистую его Матерь; смыслъ бо очистивъ и умъ, яко полату красну сию създа въ Володимери и въ Боголюбѣмъ златомъ же и каменьемъ драгымъ и жемчугомъ украси ю, иконами безцѣнными и <u>всякими узорочьями</u> удивил, въ ней же чудотворная Мати Божія, къ ней же всн хрестьяне съ страхомъ <u>пририщюще</u> и съ вѣрою ицѣленья приимають.</p> <p>И ина всяка святыни и церкви различны постави, и монастыри многы созда: на весь бо церковный чинъ и на церковники отверзълъ ему Богъ очи сердечныи</p>	<p>Сы благовѣрныи и христоролюбивыи князь Андрѣи от млада версты Христа возлюбивъ и прѣчистую его Матерь, смыслъ бо оставивъ и умъ, яко полату красну душу украсивъ всеми добрыми нравы, уподобися царю Соломану, яко домъ Господу Богу и церковь преславну святыя Богородица Рождества посередъ города камену создавъ Боголюбомъ и удивил ю паче всихъ церкви; подобна тоѣ Святая Святыхъ, юже бѣ Соломонъ царь премудрыи создалъ, тако и сии князь благовѣрныи Андрѣи и створи церковь сию и память собѣ и украси ю иконами многоцѣнными, златомъ и каменьемъ драгымъ, и жемчугомъ великимъ безцѣннымъ, и устрои ѣ различными цятами и аспидными цатами украси и <u>всякими узорочьи</u>, удивил ю свѣтлостью же, нѣкако зрѣти, зане вся церкви бяше золота. И украсивъ ю и удививъ ю сосуды златыми и многоцѣнными, тако яко и всимъ приходящимъ дивитися, и вси бо видивше ю не могутъ сказа-ти изрядныя красоты ея, и златомъ и финиптомъ, и всякою добродѣтелью, и церковнымъ строеньемъ украшена и всякими сосуды церковными, и ерусалимъ златъ с каменъи драгими и рѣпидии многоцѣнными, кандѣлы различными <i>извну</i> церкви от верха и до долу, и по стѣнамъ, и по столпомъ ковано золотомъ, и двѣри же и ободѣрѣе церкви златомъ же ковано. Бяшетъ же и сѣнь златомъ украшена от вѣрха и до Дѣвсиса и всею добродѣтелью церковною исполнена, изъмечтана всею хытростью!</p> <p>Князь же Андрѣи бѣ городъ Володимѣръ <i>силно устроилъ</i>, к нему же ворота златая достѣ, а другая серебромъ учини, и достѣ церковь камену сборную святыя Богородица, пречюдну велми, и всеми различными виды украси ю от злата и сребра, и <u>5 вѣрховъ ея позолоти</u>, двѣри же церковныя троѣ золотомъ устрои. Каменьемъ дорогымъ и жемчугомъ украси ю многоцѣннымъ, и <u>всякими узорочьи</u> удивил ю, и многими поникадѣлы золотыми и серебряными просвѣти церковь, а онѣбонъ от злата и сребра устрои, а служебныхъ <i>съсудъ</i> и рипидьи и всего строенья церковнаго златомъ и каменьемъ драгимъ и жемчугомъ великимъ велми много, а трие ерусалимъ велми велиции, иже от злата чиста, от каменя многоцѣнна устрои: и всеми виды и устроенемъ подобна быста удивлению Соломоновѣ Святая Святыхъ. И въ Боголюбомъ, и въ Володимѣрѣ городѣ вѣрхъ бо златомъ устрои и комары позолоти и поясъ златомъ устрои, каменьемъ усвѣти, и столпъ позлати, и изовну церкви и по комаромъ же поткы золоты и кубъкы, и вѣтрила золотомъ устроена постави, и по всеи церкви и по комаромъ около.</p> <p>Посемъ же иныи церкви многы камены постави различныѣ и монастырѣ многы созда, на весь бо церковныи чинъ и на церковники отвѣрзълъ бяше Богъ сердечнѣ очи</p>

Слово *церковь*, хоть и отделенное от других слов, присутствует и в Ипатьевской летописи, и, похоже, что составитель Пространной редакции имел перед собой более исправный текст, чем тот, который попал в Лаврентьевскую, Радзивилловскую и Суздальскую летописи с Краткой «Лаврентьевской» редакцией, дополнив его сравнением с Соломоном, повторенным четыре раза (в Краткой «Лаврентьевской» редакции Соломон упомянут всего однажды). Топографическая тавтология – указание на Владимир и на Боголюбово – основанием для критики текста, как кажется, не служит.

Между общими фрагментами Краткой «Лаврентьевской» и Пространной «Ипатьевской» редакциями «Повести» есть парадок-

сальные различия в лексике. Интересующая нас лексика, имеющая параллели со «Словом», присутствует в совпадающих текстах обеих редакций – значит, она принадлежит архетипу «Повести», и, несомненно, тексту Кузьмища.

Однако в Пространной редакции хорошо виден переход от общего описания воздвигнутого храма с перечислением средств отделки (общего для обеих редакций) к деталям внутренней конструкции и отделки храма, представленным с большим числом подробностей. Б.А. Рыбаков, считавший, что владимирский летописец сокращал Пространную редакцию «Повести», не обратил внимания на то, что предполагаемые им сокращения приходятся точно на описание де-

талей внутренней отделки храма, но не касаются общих описаний.

Мы, принимая первичность и авторскую отнесенность Краткой «Лаврентьевской» редакции (рука Кузьмища), выскажем еще одно предположение: похвала церковному строителю Андрею, читаемая в обеих редакциях Повести, и описание внутреннего убранства храма принадлежат *разным авторам*, хотя бы и близким по роду занятий.

Кузьмище – определенно архитектор, зодчий, а его ассистент, делавший вставки в Пространную «Ипатьевскую» редакцию, – похоже, его помощник, подмастерье, дизайнер, специалист по внутренней отделке храмов. Этот безвестный Подмастерье, думается, не только проявил себя как описатель «узорочья», внутреннего убранства храма, но и вмонтировал в Пространную «Ипатьевскую» редакцию рассказ о Кузьмище Киянине и его диалоги с убийцами князя Андрея и их соучастниками – если он принадлежал к той же строительной мастерской, что и Кузьмище (так сказать, был членом одной корпорации с Кузьмищем), то должен был знать те подробности, о которых умолчал автор Краткой «Лаврентьевской» редакции, и дополнил ими текст Повести, читаемый в Ипатьевской летописи и нигде более.

В проблеме текстологии «Повести», в частности, в истории ее Краткой редакции есть еще материалы, не привлекавшие к себе внимания. Это известия об убийстве Андрей Боголюбского, которые, с одной стороны, не являются списками Краткой «Лаврентьевской» редакции, как тексты Краткой редакции четырех называвшихся выше летописей, и, с другой стороны, не являются и лапидарными сообщениями о трагическом уходе князя из жизни (например, [Новгородская I летопись. Л., 1950. С. 223]). Мы здесь имеем в виду рассказы о гибели Андрея Боголюбского, читающиеся в Воскресенской, Никоновской и Тверской летописях.

Тексты рассказа о гибели Андрея Боголюбского по Воскресенской⁹ и Никоновской¹⁰ летописям очень близки друг другу. Удивительная их особенность состоит в том, что

⁹ Летопись по Воскресенскому списку // Полное собрание русских летописей: в 43 т. Т. 7. Спб., 1856. С. 89-90.

¹⁰ Летописный сборник, именуемый Патриаршею, или Никоновскою летописью // Полное собрание русских летописей: в 43 т. Т. 9. Спб., 1862. С. 249-251.

они при своей краткости близки не к Лаврентьевской, а к Ипатьевской летописям – это как бы своего рода отдельная Краткая «Ипатьевская» редакция. Этот же рассказ по Тверской летописи, примыкающий к двум вышеназванным по композиции¹¹, имеет странные отличия от двух вышеназванных летописей – после краткого рассказа «Ипатьевского» типа мы находим в тексте после указания «О нем же повѣсть» похвалу князю Андрею по Краткой редакции из Лаврентьевской летописи¹². Таким образом, текст интересующего нас рассказа по Тверской летописи является как бы сводным и имеет особую композицию.

Между интересующими нас текстами есть разночтения, которые в дальнейшем могут помочь разобраться в соотношении редакций «Повести».

Одно из них – название опочивальни князя, куда ворвались убийцы: Лаврентьевская, Ипатьевская, Суздальская, Тверская летописи – *ложница*; Летописец Переяславля Суздальского – *пластница*; Радзивилловская летопись – *постельница*. Однако пока трудно сказать, чем вызваны эти лексические замены, и что именно читалось в архетипе «Повести».

Вторая группа разночтений – любопытнейшее явление. В связи со всем сказанным нельзя не отметить одного казуса, присутствующего во всех изданиях «Повести». Вот что мы видим в сцене гибели князя:

Лаврентьевская летопись: *Онъ же во торопѣ¹¹ вскочь по нихъ, начатъ ригати и глаголати въ болезни сердца¹³;*

Радзивилловская летопись: *(Онъ) ж(е) въ оторопе въскочь по них, нач(а)тъ ригати и гл(агола)ти въ болѣзни с(е)рдца¹⁴;*

Суздальская летопись: *вскочь по нимачатъ ригати и гл(агола)ти в болезни сердца¹⁵;*

Ипатьевская летопись: *Онъ же в оторопѣ выскочивъ по нихъ, и начатъ ригати и глаголати, и въ болѣзни сердца иде подъ сѣни¹⁶;*

¹¹ Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью // Полное собрание русских летописей: в 43 т. Т. 15. Спб., 1863. Стлб. 250-252.

¹² Там же. Стлб. 253-254.

¹³ Лаврентьевская летопись... С. 157.

¹⁴ Радзивилловская летопись... С. 138.

¹⁵ Суздальская летопись / Лаврентьевская летопись... Стлб. 369.

¹⁶ Ипатьевская летопись... Стлб. 587.

Перевод В.В. Колесова (Ипатьевская летопись): *Князь же, внезапно выйдя за нами, начал рыгать и стонать от внутренней боли, пробираясь к крыльцу*¹⁷; то же минимум в двух более ранних изданиях;

Летописец Переяславля Суздальского: *Онъ же въ оторопе въскочивъ, поиде по них, нача тръгати и глаголати въ болѣзни с(е)рдца*¹⁸.

Воскресенская летопись: *князь же во оторопѣ воскочивъ по нихъ, и нача стенати и глаголати въ болѣзни сердца*¹⁹;

Никоновская летопись: *Князь же во оторопѣ въекочивъ по нихъ, и нача стенати и глаголати въ болѣзни сердца*²⁰;

Тверская летопись: *оуъ же начатъ отъ сердца рыкати въ болѣзни*²¹.

Единственно корректное чтение – в «Летописце Переяславля Суздальского»: *нача тръгати и глаголати* (смертельно раненый князь начал биться в конвульсиях), причем оно дано уже в первом издании «Летописца...» [5, с. 83], и оно же дает нам еще один лексический пример сходства «Повести» и «Слова» – глагол *търгати, търгнути* встречается в «Слове» в формах *вытърже, утърже, претъргоста*.

Все другие версии Краткой редакции «Повести» и Ипатьевская летопись дают словоделение «начатъ рыгати», также переводит текст и В.В. Колесов «начал рыгать и стонать от внутренней боли». Откуда при правильном чтении текста «Летописца» в обоих изданиях (*нача тръгати*) берется перевод А.А. Инкова, где эта фраза точно совпадает с переводом В.В. Колесова [4, с. 128] – как бы непонятно.

Итак, безупречное чтение этого фрагмента – *нача тръгати* представлено только в Летописце Переяславля Суздальского.

Чтение, основанное на неточном словоделении с минимальным искажением графики текста: *начатъ рыгати* – в Радзивилловской летописи, *начатъ ригати* – в Лаврентьевской, Суздальской и Ипатьевской летописях.

¹⁷ Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997. Т. 4.

¹⁸ Летописец Переяславля Суздальского... С. 100.

¹⁹ Летопись по Воскресенскому списку... С. 89.

²⁰ Летописный сборник, именуемый Патриаршею, или Никоновскою летописью... С. 250.

²¹ Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью... Стлб. 252.

Чтение, показывающее измененное расположение слов во фразе: *начатъ* от сердца *рыкати* – появляется в Тверской летописи. Форма *начатъ* (никого из лингвистов не смутившее пассивное причастие на *-тъ!*) здесь присутствует и указывает, что в этом источнике отразился текст, близкий к Лаврентьевской летописи и ее группе, и к Ипатьевской летописи, но он подвергся изменениям в порядке слов под пером компилятора Тверской летописи.

Чтения с лексической заменой: *нача стенати* – присутствуют в Воскресенской и Никоновской летописях. Эти чтения в равной мере выводимы как из чтения Летописца Переяславля Суздальского, так и из чтений большинства текстов, не исключая и Тверскую летопись.

Подведем итоги. Выявление особого текста Краткой редакции «Повести об убиении Андрея Боголюбского» по Летописцу Переяславля Суздальского позволило нам датировать Краткую редакцию «Повести» временем осени 1174 – зимы 1174–1175 гг., ибо позже благопожелания в адрес Ярослава Изяславича, сыновца (двоюродного племянника) убиенного князя на киевском столе были уже неуместны и уступили место в тексте похвале Всеволоду Юрьевичу (1154–1212), брату Андрея Юрьевича.

Установленная датировка Краткой «Лаврентьевской» редакции «Повести» однозначно утверждает ее приоритет над Пространной «Ипатьевской» редакцией, дополнения в которую вносились, как отметил Б.А. Рыбаков, до 1189 г.

Краткая «Ипатьевская» редакция «Повести», читающаяся в Воскресенской и Никоновской летописях, возможно, является сокращением Пространной редакции, присутствующей только в Ипатьевской летописи. Яркий признак этой редакции – рассказ о приближенном князя по имени Прокопий, именем которого пытались воспользоваться заговорщики. Этого эпизода нет ни в одном из четырех источников Краткой «Лаврентьевской» редакции повести.

Единственным источником таких сведений мог быть тот «детескъ» или «кошей малъ», который, согласно некоторым источникам, находился в ложнице князя и о котором сообщают Никоновская («Князь же рече *дѣтску своему*: – Се не Прокопий») и Воскре-

сенская летопись с похожим текстом; в Тверской летописи адресат реплики князя не указывается, но отмечено «*Бо съ нимъ единъ кощей малъ*». Судьба этого «кощей» неизвестна, но Прокопий погиб: только в Пространной «Ипатьевской» редакции мы находим слова «*Оканънии же оттуда шедше, убиша Прокопья, милостника его*». Почему названные здесь тексты оказываются в дополнительном распределении – где есть «детескъ» или «кощей», там не говорится об убийстве Прокопия, лишнего свидетеля, а в Краткой «Лаврентьевской» редакции нет ни того, ни другого.

Общие элементы языка «Повести» и языка «Слова о полку Игореве» большая часть которых связывается с профессией Кузьмища Киянина – архитектор – присутствуют и концентрируются в Краткой «Лаврентьевской» редакции «Повести». Это в какой-то мере парадоксально, но однозначно снимается тезисом о единстве автора текстов и вторичности Пространной редакции «Повести». Показательно, что упоминания о болгарях, отсутствующие в «Слове», отсутствуют и в Краткой редакции «Повести» и появляются только в Пространной редакции. Только в Пространной редакции появляется описание внутреннего убранства храма, которое, как мы предполагаем, принадлежит другому автору, а именно – Подмастерью Кузьмища, золотых дел мастеру-дизайнеру. Совпадения использованной им лексики со «Словом» не столь многочисленны и не столь выразительны, как совпадения Краткой «Лаврентьевской» редакции. Устранить фигуру Подмастерья из истории текста, вернувшись к предположению Б.А. Рыбакова о первичности Пространной редакции, не удастся – становятся непонятными причины появления двух Кратких редакций «Повести», в Лаврентьевской летописи и в Воскресенской, Никоновской и Тверской летописях, где вообще мы видим контаминацию двух «кратких» редакций «Повести».

Соотношение Краткой и Пространной редакции «Повести об убийении Андрея Боголюбского» в свете сказанного выглядит так:

Краткая «Лаврентьевская» редакция «Повести» принадлежит самому Кузьмищу Киянину. Добавления Пространной «Ипатьевской» редакции «Повести» по Ипатьевской летописи, вероятно, были сделаны позднее,

возможно, Подмастерьем Кузьмища и непосредственно со слов Кузьмища Киянина как очевидца и участника событий конца мая 1174 г. во Владимире и в Боголюбове, или же внесены самим Кузьмищем в письменный текст при помощи особых приемов (изображение самого себя в третьем лице) с целью сохранить первоначальный замысел и текст «Повести» в краткой редакции.

Пока не вполне ясна хронология появления известий о Прокопии и диалога князя с мнимым Прокопием через дверь, у которой стояли заговорщики, в Ипатьевской, Воскресенской, Никоновской и Тверской летописях, и сообщения о «кошее», с которым разговаривал князь, в трех последних летописях.

Список литературы

1. Колесов В.В. Повесть о убийении Андрея Боголюбского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1 (XI – первая половина XIV в.). Л.: Наука, 1987. С. 365-367.
2. Рыбаков Б.А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М.: Наука, 1972.
3. Бурькин А.А. Киевский зодчий Кузьмище Киянин – автор «Слова о полку Игореве»? // Вестник Костромского университета им. Н.А. Некрасова. 2016. Т. 22. № 1. С. 121-129.
4. Инков А.А. Летописец Переяславля Суздальского. Предисловие, перевод, комментарий. М.: Моск. гуманитар. ун-т, 2016. 296 с.
5. Оболенский К.М. Летописец Переяславля Суздальского, составленный в начале XIII века. М.: Университет. типография, 1851. 113 с.

References

1. Kolesov V.V. Povest' o ubienii Andrey a Bogolyubskogo [Story of Killing Andrew the Pious]. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi. Vyp. 1 (XI – pervaya polovina XIV v.)* [The Dictionary of Scribe and Book-Learning of Ancient Russia. Issue 1 (XI – first half of the XIV century)]. Leningrad, Nauka Publ., 1987, pp. 365-367. (In Russian).
2. Rybakov B.A. *Russkie letopistsy i avtor «Slova o polku Igoreve»* [Russian Chronicle and the Author of “The Tale of Igor’s Campaign”]. Moscow, Nauka Publ., 1972. (In Russian).
3. Burykin A.A. Kievskiy zodchiy Kuz'mishche Kiyenin – avtor «Slova o polku Igoreve»? [Was Architect Kuzmishche of Kiev “The Tale of Igor’s Campaign” author?]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova – Vestnik of Nekrasov Kostroma State*

- University*, 2016, vol. 22, no. 1, pp. 121-129. (In Russian).
4. Inkov A.A. *Letopisets Pereyaslavlya Suzdal'skogo. Predislovie, perevod, kommentariy* [Chronicler of Pereyaslavl-Suzdal. Preface, Translation, Comments]. Moscow, Moscow Humanitarian University, 2016, 296 p. (In Russian).
 5. Obolenskiy K.M. *Letopisets Pereyaslavlya Suzdal'skogo, sostavlenny v nachale XIII veka*

[Chronicler of the Principality of Pereyaslavl-Suzdal, made at the beginning of XIII century]. Moscow, University typography, 1851, 113 p. (In Russian).

Поступила в редакцию 10.01.2017 г.
Received 10 January 2017

UDC 881/886

TO THE PROBLEM OF TEXTUAL CRITICISM OF “STORY OF KILLING ANDREW THE PIOUS”: CHRONOLOGICAL PROBLEMS OF TWO EDITED VARIANTS OF STORY AND ESTIMATION OF AUTHOR’S IMPLEMENTATION – ARCHITECT KUZMISHCHE OF KIEV IN THE VARIANTS OF STORY’S TEXT

Aleksey Alekseevich BURYKIN

Doctor of Philology, Doctor of History, Leading Research Worker of Lexical Department

Institute for Linguistic Studies, (ILI) Russian Academy of Sciences

9 Tuchkov Ln., St. Petersburg, Russian Federation, 199053

E-mail: albury@rambler.ru

The author’s style of Kiev architect and gold worker Kuzmishche of Kiev, who is considered to be the author of “Story of Killing Andrew the Pious” is viewed. Components of Kuzmishche of Kiev’s style are defined and the hypothesis that the author of “Story” Kuzmishche of Kiev is also the translator of three stories of Musin-Pushkin notebook, the author of “The Tale of Igor’s Campaign” and the author of short short story of Radziwill Chronicle is presented. It is proved that in textual criticism of “Story of Killing Andrew the Pious” three objects are revealed: according to Laurentian Chronicle, Radziwill Chronicle, Moscow-Academician List of Suzdal Chronicle, coinciding with the text of Radziwill Chronicle and according to the “Story” of Chronicler of Pereslavl-Suzdal. It is established that the problem of textual criticism of the “Story”, particularly in the history of its short redaction there are materials which were not interesting for scientists. This is the news of Andrew the Pious’s murder. The idea, that the short Laurentian redaction of the “Story” belongs to Kuzmishche of Kiev himself, is stated. The adding of extensive Hypatian redaction of the “Story” according to the Hypatian Chronicle probably were made later. It is possible that they were made by the apprentice of Kuzmishche of Kiev as of the evidence and participant of the events at the end of May in 1174 in Vladimir and Bogolyubovo and the corrections were made by Kuzmishche of Kiev himself in the written text with the help of special methods (the picture of himself in third person singular).

Key words: textual criticism; chronologization; “Story of Killing Andrew the Pious”; author’s style; architect of Kiev; Kuzmishche of Kiev

Для цитирования: Бурькин А.А. К текстологии «Повести об убиении Андрея Боголюбского»: проблемы хронологии двух редакций повести и оценка вклада автора – зодчего Кузьмища Киянина в варианты текста повести // Вестник Тамбовского университета. Серия Филологические науки и культурология. Тамбов, 2017. Т. 3. Вып. 2 (10). С. 5-13.

For citation: Burykin A.A. K tekstologii «Povesti ob ubienii Andrey a Bogolyubskogo»: problemy khronologii dvukh redaktsiy povesti i otsenka vklada avtora – zodchego Kuz'mishcha Kiyarina v varianty teksta povesti [To the problem of textual criticism of “Story of Killing Andrew the Pious”: chronological problems of two edited variants of story and estimation of author’s implementation – architect Kuzmishche of Kiev in the variants of story’s text]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Filologicheskie nauki i kulturologiya – Tambov University Review. Series: Philology and Culturology*, 2017, vol. 3, no. 2 (10), pp. 5-13. (In Russian).